



Значение др.-рус. plurale tantum ПАМЯТИ

The Meaning of the Old Russian Plurale Tantum ПАМЯТИ

Марина Анатольевна Бобрик

Национальный исследовательский
университет “Высшая школа экономики”
(Москва)

Marina A. Bobrik

National Research University Higher
School of Economics (Moscow)

Резюме

В статье исследуется значение др.-рус. *памяти* (pl. tantum), оставленное под вопросом в статье о слове *память* в Словаре русского языка XI–XVII вв. Контексты, содержащие описания еды XVI–XVII вв., вновь обнаруженный контекст XVII в. со словом *памяти*, а также словари русской диалектной лексики позволяют определить значение этого слова как ‘грудная часть (у птицы, животного)’.

Ключевые слова

древнерусский язык, лексическая семантика, диалектная лексика, терминология памяти, Словарь русского языка XI–XVII вв.

Abstract

The paper deals with the meaning of the Old Russian plurale tantum *pamiati*, hitherto attested only in a 17th-century list of food served at banquets that is published in Ivan Zabelin’s *Domashnii byt russkikh tsarei*. The tentative meaning ‘brain (of crane)’ proposed in the *Slovar’ russkogo iazyka 11–17 vv.* does not reflect actual practice. Other 17th- and 18th-century written sources, primarily food lists but also lexicographic sources and Russian dialect data, allow for the definition ‘breastbone and meat (of poultry)’. In this meaning, as well as in other meanings of the Russian dialectal word *pamiati*, the plural and the singular forms are synonyms. In the newly found context of the 17th-century *Skazka o molodtse, kone i sable*, the word *pamiati* refers to the breastbone of a horse, so the meaning can now be more precisely defined as ‘breastbone and meat (of poultry and cattle)’. The definition of *pamiati* proposed in the *Slovar’ russkogo iazyka 11–17 vv.* seems to

reflect the “mental” notion of memory as being positioned in the head, whereas the meaning ‘breastbone and meat (of poultry and cattle),’ discussed here, relates rather to the ancient idea of memory as being placed in the breast.

Keywords

Old Russian, lexical semantics, dialectal vocabulary, terminology of memory, *Slovar’ russkogo iazyka 11–17 vv.*

В “Словаре русского языка XI–XVII вв.” в статью о слове *память* включено также *памяти* мн., значение которого не совсем ясно. Для иллюстрации приводится единственный контекст, а именно фрагмент меню из “Домашнего быта русских царей” Ивана Забелина:

Жаравли под зваромъ под белымъ подъ медвянымъ, дается на шесть блюдь: два папоротка на два блюда, два ходила на два блюда, سخاбы да душка — блюдо, п а м я т и — блюдо [СлРЯ XI–XVII вв., 14: 142].

Речь идёт о журавлях под белым сладким соусом. Дичь распределяется на шесть блюд: на два кладутся крылышки (*два папоротка*)¹, на два других — лопатки (*два ходила*)², ещё на одно — рёбра (*سخабы*)³ и шейка (*душка*)⁴, а на последнее... что же подаётся на этом последнем блюде? Автор словарной статьи М. Ф. Мурьянов осторожно предположил, что на нём подаются журавлиные мозги. Значение слова *памяти* он сформулировал, соответственно, следующим образом: ‘название какой-то части (мозгов?) птицы, подаваемой на стол’.

Сомнение вызывает прежде всего соответствие такого — пусть предположительного — толкования реалиям быта. Употребление птичьих мозгов в пищу, насколько можно судить по источникам, не было принято. В известных мне древнерусских описаниях еды мозги птиц в качестве отдельного блюда не фигурируют. Как курьёз в XVIII в. пересказывали анекдот о римском императоре Вителлии, который отказывался “рыб или птиц удобь обрѣтаемых ясти, но мозги павлинныя и павинныя” (цит. по [СлРЯ XVIII в., 12: 245]). Мозги среди скоромных блюд упоминаются, но только не птичьи, вошедшие своей малостью в поговорку (*куриные*,

¹ По определению Даля [3: 17], “крыльце у птицы, малое крылышко, т. е. второй сустав крыла, локоток, две кости между плечиком и кистью”; ср. ‘второй сустав крыла птицы’ [СлРЯ XI–XVII вв., 14: 148].

² Ср. у Даля [4: 557] севернорусское *ходило* ‘заплевная кость, лопатка’.

³ В СлРЯ XI–XVII вв. [29: 91] в словарной статье *схабъ* есть только “рыбные” контексты, в которых это слово имеет значение ‘рыбье брюшко, тёшка’; ср. также в сочетании *схаб белужий* у Даля [4: 369] ‘ребра, грудинка, тёшка’.

⁴ В СлРЯ XI–XVII вв. [4: 392] для слова *душка* с опорой на этот контекст даётся иное значение, а именно: ‘грудинка у птицы (часть, прилегающая к грудной косточке, и сама эта косточка’, подробнее см. ниже, в конце данной работы.

воробьиные мозги: для блюда журавлиных мозгов потребовалась бы целая стая птиц), а лосиные — *мозги лошьи* [Birkfellner 2004: 169; 14, 94].

Если не мозги, то что же может иметься в виду? Тут может помочь словарь В. А. Лёвшина — “Словарь поваренный, приспешничий, кандиторский и дистилляторский, содержащий по азбучному порядку подробное и верное наставление к приготовлению всякого рода кушанья” (1795–1797), где среди “главных частей” птицы упоминается *памятная кость*: “Главныя части у птиц: шея или душка, крыла, ноги, хлуп или бѣлое мясо, п а м я т н а я к о с т ь, к о с т р е ц” (цит. по [СлРЯ XVIII в., 18: 189]). Не будет, думаю, большой натяжкой принять, что *памятная кость* в перечне Лёвшина — то же, что современное диалектное, зафиксированное в Кировской области *память* ‘грудная кость курицы, пехуха’ [СРНГ, 25: 191]. Можно предположить, что наши *памяти* если не тождественны, то, по крайней мере, относятся к той же части птицы, что и *память* / *памятная кость*, то есть к грудине. В диалектах русского языка *plurale tantum* *памяти* регулярно выступает синонимом стандартной формы единственного числа *память* в основном значении этого слова, в частности, в выражениях типа *на / при / в моей памяти*:

При моей памяти / память; при моих пáмятах / пáмятях; в моей памяти // в моих пáмятях; на моей пámятé // на моих пámятя́х; до моей пámяти // до отцовских пámятéй и под. (см. [СРНГ, 25: 190]).

На этом фоне синонимия *память* / *памяти* в терминологическом значении ‘грудная кость птицы’ вполне вероятна.

Что касается грамматической семантики слова *памяти* в забелинском контексте, то форма множественного числа здесь двусмысленна: кладут ли на блюдо грудные части нескольких птиц (реальная множественность) или грудину одного журавля (реальная единичность)? Скорее второе, так как в предшествующей части перечисления речь идёт о крыльях, лопатках и т. д. одной птицы, да и размеры журавлиной грудины достаточно велики, чтобы заполнить собою блюдо.

Теоретически возможно, что *plurale tantum* *памяти* могло относиться не только к грудной кости и мясу на ней, но и к скрытым за нею внутренним органам. Форма множественного числа регулярно используется в русском языке, как литературном, так и диалектном, в обозначениях внутренностей (ср. *черева*, *пупки*, *печенцы*, *серёдки*, *потрохи* / *-а* и под.)⁵, в некоторых случаях (*потрох* / *потрохи*, *-а*) формы единственного числа и множественного варьируют. Внутренности птиц наряду с потрохами

⁵ Ср. обозначения екта: *черева* ‘внутренности, кишки, потрох’, в частности, в сочетании *утячьи черева* [Даль, 4: 591]; *черевица*; *пупки*; *печенцы* (печенцы курячьи); *серёдки* (серёдки свиные) [Birkfellner 2004: 161]; *смолочи* (смолочи заячьи); *животы* ‘брюхо, желудок, брюшные внутренности, требуха’ [Даль, 1: 540]; *кишки*.

животных непременно входили в состав скоромного стола⁶, однако в подробной терминологии птичьих потрохов слово *памяти*, насколько я могу судить, не фигурирует. Так что эту версию следует признать неудачной, по крайней мере для “птичьего” контекста.

Итак, *памяти* в тексте царского меню мы предположительно отождествили с современным диалектным *память* ‘грудная кость курицы, петуха’ и с сочетанием *памятная кость* в словаре Лёвшина как обозначениями грудины птицы — килевой кости и, по-видимому, мяса на ней. Вместо не очень аппетитных птичьих мозгов на столе русских царей появилась деликатесная часть птицы.

На этом можно было бы, вообще говоря, поставить точку. Но, по счастью, удалось напасть на ещё один древнерусский контекст со словом *памяти* в дополнение к тому, что приведён в [СлРЯ XI–XVII вв.]. Этот вновь обнаруженный контекст переносит слово *памяти* из “птичьей” сферы в “животную”, тем не менее и в нём оно по-прежнему связано с грудью. Речь идёт о тексте XVII века, который носит название “Сказка о молодце, коне и сабле”. “Сказка” сохранилась в составе рукописного сборника занимательного чтения, переписанного в 1698 г. (РНБ, собр. Погодина, № 1772, л. 188 об.–190 об.) и была впервые издана в “Памятниках старинной русской литературы” [Памятники 1860: 409]. Текст производит впечатление отрывка, жанр его неясен⁷. Конь героя — “отликого” молодца — описан здесь следующим образом:

⁶ Сведения об этом можно найти, в частности, в “Книгах во весь год что в столы еству подают”, содержащихся в пространной, или Забелинской редакции “Домостроя” (XVI–XVII вв.). Так, в мясоед после Рождества подавали “потрох лебежей” и “потрох гусин” в одном ряду с такими лакомствами, как “потрох поросячей”, “осердые лошье”, “печени”, “желудки”. Еще большее разнообразие блюд из потрохов, в том числе птичьих, содержится в перечне блюд, подаваемых в мясоед после Пасхи: “потрох лебежей”, “почки заечьи верченые”, “пупки, шейки, печенцы курячьи”, “смолочи заячьи”, “черевца, пупки, печенцы курячьи”, “потрошек бораней” [Birkfellner 2004: 2, 37, 163]. Близкая параллель к цитате о журавлях содержится в “Росписи царским кушаньям”, относящейся к той же эпохе: “На блюдо, какъ будетъ, 2 куровъ розсолныхъ молодыхъ. На блюдо пупочки, да шейки, да печенцы тѣхъ же куровъ молодыхъ” [ивд.: 180]; “Бъсты: 2 лебеда [. . .], отъ 2 лебедей потрохъ, а на лебеди во взваръ и въ потрохи лебязьки 30 золотникъ шафрану, да въ потрохи жъ 12 частей говядины” [ивд.: 184]. Журавли фигурируют в этих текстах, как правило, рядом с лебедями и другими дикими птицами: “Лебеди, потрохъ лебежей, жаравли, чапли, утки...” [ивд.: 147]. Способы их приготовления были, очевидно, сходны. И те, и другие подавались, в частности, со сладким “медвяным” соусом: “Лебед медвяной, звар под шафраном, с покрова, подтрох лебязей с шафраном с тапешками, шейка лебязя с шафраном [. . .]. А гоус дикон также даеця что и лебед [. . .], жаравли под зваром с шафраном даеця с покрова, чапля под зваром с шафраном даеця с покрова” [ивд.: 160–161].

⁷ В “Сказке” видели литературную (В. П. Адрианова-Перетц) или фольклорную (А. М. Панченко) пародию на модные приключенческие романы-сказки или богатырскую тему в целом. Тот факт, что в тексте (но не в нашей цитате) используются редкие термины военного дела, дало Л. А. Дмитриеву основание предположить, что “Сказка” возникла в воинской среде [Плдр 1989: 614; Дмитриев 1983].

Конь у него былъ бур космать, на ухо лыс, задняя нога по окорокъ бѣла, передняя нога по лопатку бѣла. И всего того хорошае было у добра коня 12 приметъ: ротъ какъ пасть, языкъ какъ рукавъ, грива колѣсомъ, уши колпакомъ, окорока висли п а м я т и вышли, оленьи мышки, заечьи почки, хвостъ какъ кутас, круглые копыты, что полные морские раковины, а очи у добра коня, что великие питьи чаши на лоб вышли. Весь молодецкий конь в примѣтахъ, что лютой зверь [ПЛДР 1989: 237].

“Молодецкий конь” выглядит как дикий (“лютой”) зверь: все части у него в буквальном смысле слова выдающиеся — выпуклые, большие, крупные, длинные. Все приметы названы словами с элементом *Magnum* в семантике. *Окорока*⁸ такие мощные, что *висли* ‘отвисли’, а *памяти* — *вышли*. А что, собственно, “вышло”? Исследователи и издатели “Сказки” и вида не подают, что значение слова *памяти* представляет проблему — в издании оно не откомментировано. При этом есть основания полагать, что слово это осталось непонятым: знаки препинания, очевидно, добавленные в ПЛДР по сравнению с рукописью⁹, на участке *окорока висли памяти вышли* как бы прерываются (если только это не случайная опечатка), хотя между двумя этими параллельными в смысловом и синтаксическом отношениях частями фразы требовалась бы запятая. Полагаю, что слово *памяти* в “Сказке” относится к *памятной части*. У животных так называлась грудина, что явствует из следующего современного “Сказке” контекста:

Роспись кушанью... Баранина росольная, грудинка или памятная часть (“Росписи кушанью”, 1661 г. [СлРЯ XI–XVII вв., 14: 138])¹⁰.

Итак, не только у птицы, но и у коня грудную часть можно было назвать словом *памяти*. Семантика формы *памяти* в “Сказке”, как и в случае царского меню, двусмысленна. В данном случае неясно, имеется ли в виду, что у коня грудь выступает (ср. о человеке *грудь колесом*) или что внутренние органы грудной клетки — сердце, лёгкие — такие крупные, что выпирают, “выходят” наружу (ср. замечание о другом внутреннем органе коня — почках — *заечьи почки*¹¹). Можно было бы предположить, что *память* и *памяти* соотносятся в смысловом отношении так же, как, скажем, *живот* ‘брюшная часть тела’ и *животы* ‘брюшные внутренности, трубуха’. Тогда *памяти* было бы названием органов грудной

⁸ ‘Бедро с ягодицей, ляжка с мясами одной половины таза’ [Даль, 2: 666].

⁹ Возможности сверить текст по рукописи у меня, к сожалению, не было.

¹⁰ В этом случае автор статьи М. Ф. Мурьянов проявляет, думается, излишнюю осторожность, определяя значение сочетания *памятная часть* лишь приблизительно — ‘какая-то часть туши животного, подаваемая на стол’ [СлРЯ XI–XVII вв., 14: 138].

¹¹ Вероятно, имеется в виду их относительно большой размер.

клетки (ср. в *сердцах*). Но для того, чтобы принять или отвергнуть это предположение, у нас, увы, недостаточно материала. Более надёжным в этой ситуации мне представляется считать, что термин *памяти* в “конском” контексте, как и в “птичьём”, имеет форму *plurale tantum* и относится к грудной кости и к груди в целом.

В таких “тёмных” случаях, когда в словаре наталкиваешься на знак вопроса, любопытно не только докопаться до значения древнерусского слова, но и понять мотивировку толкования. Почему М. Ф. Мурьянов предположил, что *памяти* значит ‘мозги’, при том, что, вообще говоря, возможны были и другие решения, скажем, ‘внутренности’? По наблюдениям исследователей [Кубрякова 1991: 85–91; Урысон 2003: 37–41; Брагина 2007: 55–65, 67], употребление слова *память* в современном русском языке (прежде всего сочетаемость этого слова) отражает, в частности, представление о памяти как об органе, помещающемся в голове или в сердце. Предположение М. Ф. Мурьянова очевидным образом оказывается в русле первой из этих моделей, локализирующей *память* “у мозга в зале”¹² как пространстве ментальной деятельности¹³. Однако к старому терминологическому значению *plurale tantum памяти* ближе, как видим, оказывается скорее “память сердца”¹⁴.

Библиография

БРАГИНА 2007

Брагина Н. Г., *Память в языке и культуре*, Москва, 2007.

Даль, 1–4

Даль В., *Словарь живого великорусского языка*, 1–4, Москва, 1978.

ДМИТРИЕВ 1983

Дмитриев Л. А., “Сказка о молодце, коне и сабле”, в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 37, Ленинград, 1983, 308–309.

¹² Ср.: “Память!/ Собери у мозга в зале/ любимых неисчерпаемые очереди” (В. В. Маяковский, “Флейта-позвоночник”).

¹³ Не без влияния современных обыденных представлений об устройстве “внутреннего человека”, а именно ассоциации души с грудью, сделан, думается, и выбор А. Н. Шаламовой, автора статьи *душка* в СЛРЯ XI–XVII вв. [4: 392]: в нашей цитате из “Домашнего быта русских царей” *душка* понято как ‘грудинка’. Из двух значений этого слова (ср. [Даль, 1: 505]) выбрано не значение ‘часть шеи против глотки и пониже’, а другое, кажущееся носителю современного русского языка более правдоподобным — “грудинка к переду, где грудная косточка, вилка, и самая кость эта”.

¹⁴ Один из ранних контекстов этого сочетания в русской словесности — известная максима К. Н. Батюшкова “Что есть благодарность? — Память сердца” (“Мысли”). Романтически усиливая тему благодарности, Батюшкову вторит М. И. Цветаева в рецензии на книгу С. Волконского “Родина”: “Есть для этой особой памяти сердца и особое наименование: страсть благодарности” (“Кедр”).

КУБРЯКОВА 1991

КУБРЯКОВА Е. С., "Об одном фрагменте концептуального анализа слова Память", в: *Логический анализ языка. Культурные концепты*, Н. Д. АРУТЮНОВА, отв. ред., Москва, 1991, 85–91.

ПАМЯТНИКИ 1860

Памятники старинной русской литературы, 2, С.-Петербург, 1860.

ПЛДР 1989

Памятники литературы Древней Руси. XVII век, 2, Москва, 1989.

СЛРЯ XI–XVII вв., 1–29

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–29—, Москва, 1975–2011—.

СЛРЯ XVIII в., 1–19

Словарь русского языка XVIII века, 1–19—, Ленинград, С.-Петербург, 1984–2011—.

СРНГ, 25

Словарь русских народных говоров, 25, Ленинград, 1990.

УРЫСОН 2003

УРЫСОН Е. В., *Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике*, Москва, 2003.

BIRKFELLNER 2004

BIRKFELLNER G., Hrsg., *Altrussische Speisenordnung oder Was man das ganze Jahr über auf den Tisch bringt. Nach dem Domostroj (Der Hauswirt). Deutsche Erstausgabe und mittlerrussischer Text mit Kommentaren* (= Münstersche Texte zur Slavistik, 1), Münster, 2004.

References

Birkfellner G., Hrsg., *Altrussische Speisenordnung oder Was man das ganze Jahr über auf den Tisch bringt. Nach dem Domostroj (Der Hauswirt). Deutsche Erstausgabe und mittlerrussischer Text mit Kommentaren* (= Münstersche Texte zur Slavistik, 1), Münster, 2004.

Bragina N. G., *Pamiat' v iazyke i kulture*, Moscow, 2007.

Dmitriev L. A., "Skazka o molodtse, kone i sable," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 37, Leningrad, 1983, 308–309.

Kubriakova E. S., "Ob odnom fragmente kontseptual'nogo analiza slova Pamiat'," in: *Logicheskii analiz iazyka. Kul'turnye kontsepty*, N. D. Arutiunova, ed., Moscow, 1991, 85–91.

Uryson E. V., *Problemy issledovaniia iazykovoii kartiny mira: Analogiia v semantike*, Moscow, 2003.

Марина Анатольевна Бобрик, канд. филол. наук

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики",
доцент Школы лингвистики

105066 Москва, ул. Старая Басманная, 21/4

Россия/Russia

marina.bobrik@online.de